

Игорь Москалев

Заслуженный деятель искусств России

Она всю себя отдавала работе

В «Анкете арестованного» от 9 июля 1938 года записано, что Вера Федоровна Москалева родилась в городе Киеве 26 ноября 1907 года, была воспитанницей детского дома; имела среднее образование, которое в деле № 8508 расшифровано так: «семилетнее и два курса рабфака — 3 и 4», а это означало, что она за два года получила четырехлетнее рабфакское образование как экономист-плановик.

В.Ф. Москалева была совсем не рядовой представительницей того поколения людей, которые — в характере, свойственном той эпохе! — вздох отдавались, кроме основной работы, еще и общественной деятельности. Комсомолка с 1923 года, тогда еще Вера Глаголева, она была лучшей пионервожатой в Чулковском районе, как я узнал впоследствии из «Книги пионерского движения в Туле». С 1930 года — в рядах ВКП(б), избиралась сначала в партком цеха № 5 завода № 176 (патронного), а потом — до ареста (как написано в ее деле № 8508, заведенном на нее НКВД в июле 1938 года) была заместителем секретаря этого парткома.

Столь обширные общественные дела не позволили этой женщине повседневно заниматься ее единственным сыном. Меня воспитывала бабушка по отцовской линии Юзефа Антоновна Зубковская (полька по происхождению), а после ее кончины — домработница Дуся. И всегда была рядом соседка по двору Александра Сергеевна Грибанова, впоследствии (после гибели мамы) ставшая моей опекушкой (я звал ее «мама Шура»).

Арест мамы надолго врезался в память шестилетнего мальчишки. Резкий стук в уже закрытые

на ночь ставни. Дуся пошла открывать калитку во дворе и вскоре вернулась с двумя мужчинами; у одного винтовка со штыком, он остался у входной двери, второй — он был в кожанке, несмотря на жаркий тогда июль! — прошел на середину кухни. Когда мама вышла к ним, он протянул ей какую-то бумагу, она прочла, ушла в другую комнату и вскоре вернулась в незастегнутом жакете, на шее — косянка, на голове — черный берет. Вероятно, она тотчас же поняла, что ее ожидает.

Но ее не сразу увели. Начался обыск: и куда только не залезали, расшвыривая все, попадавшее под руку. Я все теснее прижимался к родному телу. Сколько это продолжалось, не помню. Когда обыску наступил конец и мама встала, тот, что в кожанке, резко оторвал меня от нее и толкнул во мрак комнаты. Когда ее уводили и я бросился за ней, мне преградил дорогу человек с винтовкой.

Это произошло 9 июля 1938 года. Маме было предписано «содержание под стражей в Тульской тюрьме».

На допросе в НКВД Вере Федоровне предложили назвать круг знакомых, и последовал ответ: «У меня очень большой круг знакомых; наиболее близкими являются Шинская Вера Николаевна, работает старшей вожатой в пионерлагерях заводов № 38 и 176 на станции Хомяково, член ВКП(б); Грибанова Александра Сергеевна, домохозяйка, соседка по квартире, беспартийная».

Тетю Веру Шинскую я смутно представляю; помню только, что в пионерском лагере, где мама долгое время была начальником, среди взрослых сотрудников нередко звучало: «Нам легко — у нас

не одна Вера, а две»... И следовал добрый смех. До того, как стать руководителем хояковского пионерлагеря, мама работала там вожатой, потом старшей пионервожатой; и мы с бабушкой в лагере отдыхали.

Бабушки не стало в конце 1936 года. После этого мама развелась с моим отцом, у которого скоро появилась новая семья. Во время тех девяти месяцев, когда мама была в тульской тюрьме, отец меня к себе не взял, видимо, опасаясь иметь дело с «сыном врага народа»... И вообще я никогда с ним не жил. Моей семьей были Петр Иванович и Александра Сергеевна Грибановы. «Мама Шура» и поведала мне больше других о моей матери. Удивительно располагающей к себе была эта женщина, ставшая другом моей жены, бабушкой для моих детей — сына Владислава и дочери Веры и для внучки Марины.

Отдельные клочки воспоминаний из рассказанного «мамой Шурой» хранит моя память. Вот, к примеру, такое. Маленьким мальчиком бабушка водила меня в баню, в женское отделение. Там, со слов «мамы Шуры, моющиеся женщины говорили: «Да ты прямо ангелочек. На кого же ты похож, мальчик?». Ответ был якобы такой: «Похож на папу, а умный я весь в маму, моя мама по собраниям ходит».

Аресту мамы предшествовало то, что принято называть «вот так фабриковались дела». Вчитаемся в выписки из Протокола № 4 заседания парткома ВКП(б) завода № 176 от 4 июня 1938 года:

«Член ВКП(б) тов. Москалева имела связь с врагами народа, ныне арестованными Володиной, Титковой, Безуховым, была у последних на квартирах. Работая продолжительное время зам. секретаря парткома завода, где секретарем был Логаев, впоследствии оказавшийся врагом народа, Москалева притупила политическую бдительность — не смогла разоблачить Логаева как врага народа.

Москалева была председателем лагерной комиссии, которая посылала детей врага народа Домбрева в пионерлагерь. Лучшей подругой Москалевой в цехе №5 является Дмитриева, муж которой арестован, сама Дмитриева антисоветски настроена.

После митинга, посвященного выдвижению кандидатов в Верховный Совет РСФСР, во время обеда Москалева допустила грубейшую политическую

ошибку, выразившуюся в том, что, когда курьерша принесла рыбу (хамсу), Москалева на своем рабочем месте достала хамсу и заявила: «Вот за хамсу я буду голосовать».

В момент снятия бывшего секретаря Оргбюро ЦК ВКП(б) Сойфера с работы Москалева особенно проявила тревогу. Так, в беседе с членом ВКП(б) Муравлевым Москалева заявила: «Слышала, что Сойфера сняли с работы, мне его очень жаль. Я как услышала об этом, то как будто меня чем-то по голове ударили». Восторженные мнения о Сойфере Москалева продолжает заявлять и до сих пор...».

Это сейчас мы знаем, что Яков Григорьевич Сойфер полностью реабилитирован, что его поминают добрым словом, например, за созданный в Туле по его инициативе Дворец пионеров и школьников, и что его именем названа одна из улиц нашего города. А тогда, в 1938, скорбеть по поводу ареста «врага народа» считалось преступлением.

Для мамы вот чем это обернулось: «Изобличается в том, что является участником антисоветской право-троцкистской организации» (запись в деле № 8508).

На странице допроса «Кто из ваших близких арестован?» мама называет несколько фамилий и среди них: «Остапова Серафима Георгиевна, работает в иностранном столе Управления милиции города Тулы, у которой в 1931 году я жила на квартире».

С Серафимой Георгиевной — она мне представилась по фамилии Видерко — я познакомился в начале 80-х годов, когда она отыскала меня. Мы встретились в Театре кукол, где я в то время работал главным режиссером. Только начали разговаривать, как вдруг она меня спросила: «А Вы знаете, кто терзал Вашу маму?». Я был ошарашен вопросом, а потом — в еще большей степени — ее ответом на свой вопрос: «Ее терзал следователь Лубянский. Вы, очевидно, знакомы с его дочерью?»

Да, мы в одно и то же время учились в тульском пединституте.

В книге «Правда о Гулаге (Свидетельствуют очевидцы)», выпущенной Приокским книжным издательством в 1991 году, одним из редакторов которой была моя ныне покойная супруга Людмила Александровна Москалева, опубликованы наряду с другими и мемуары Серафимы Георгиевны Видерко. В этих свидетельствах есть страницы, рассказывающие о том, через что прошла и моя мама.

«Ее очень часто вызывают на допросы и нередко после них всю избитую втаскивают в камеру: сама она идти не в состоянии. На допросах Вера Федоровна ведет себя дерзко по отношению к оперуполномоченному: на оскорбления отвечает оскорблениями, вернее, правдой, называя своего мучителя карьеристом, продажной шкурой, врагом народа. Она верит, что придет время и тому придется расплачиваться за свои действия.

У Веры Федоровны есть сын Игорь, который остался у чужих людей. Она страшно волновалась за него. Заключение внушали ей, что надо беречь себя, вести себя на допросах осторожнее, чтобы вернуться к сыну. Но Вера Федоровна считала, что это было бы с ее стороны примиренчеством и беспринципностью и продолжала «воевать», когда ее уводили из камеры».

Вскоре после ареста мамы «увели» и меня... Запись в той же «Анкете арестованного»: «Сын — Москалев Игорь Михайлович, 6 лет. Временно в дошкольном лагере-детсаде им.Сталина».

Там я пребывал круглосуточно девять месяцев, правда, не за решеткой, но за довольно высокой узорной оградой на улице Лейтейзена. Лишь иногда «мама Шура» забирала меня к себе, чтобы отмыть меня и вычесать вшей из головы.

30 апреля 1939 года было принято Постановление, утвержденное начальником Управления НКВД СССР по Тульской области капитаном Государственной безопасности Бабкиным: «Дело № 8508 по обвинению Москалевой В.Ф. прекратить... Обвиняемую Москалеву В.Ф., 1907 г. рождения, уроженку гор. Киева, члена ВКП(б) с 1930 г. (исключена в связи с арестом), работавшую экономистом цеха № 5 завода № 176, из-под стражи освободить, возвратив взятые при обыске вещи и документы».

Домой привела ее «мама Шура». Руководство завода выделило освобожденной путевку на курорт Кавказских минеральных вод в город Серноводск.

А после лечения — вновь всепоглощающая работа: летом в пионерском лагере в Хомяково, все остальное время на тех же местах на заводе: плановик в цеху и заместитель секретаря заводского парткома.

Мирон Борисович Шнейдерман, человек, который разменял уже второе столетие своей жизни, хорошо знавший маму с 30-х годов и тоже работавший на заводе № 176, рассказывал мне,

что у нее просматривались отличные качества руководителя-организатора и воспитателя, которые полностью проявились в военные годы. «Она была заводилой во всем — в работе и в отдыхе. А какой у нее был ораторский дар! На всех заводских собраниях — и довоенных в Туле, и особенно в городе Орске, куда был эвакуирован наш завод, — все доклады всегда делала она. Не читала, а лишь иногда заглядывала в подготовленный текст, говорила страстно и выразительно. А уж когда произносила какой-либо лозунг, то зал всегда горячо аплодировал».

Я помню тетради с мамиными выступлениями. Тексты ее докладов и выступлений я читал в послевоенные годы, несколько ее тетрадей были привезены с Урала. Читал я их старшеклассником и убеждался, что все написанное было абсолютно грамотно и — удивительно! — без всяких помарок и зачеркиваний, только немало всяческих вставок-вклеек.

Начало войны застало ее на привычном для нее посту — в Хомяково. Написанная ею статья «В пионерском лагере» (газета «Коммунар», 19 июля 1941 г.) убедительно выявляет, как содержательно, разносторонне и четко умела она построить и организовать доверенную ей работу:

«Несколько дней назад маленькие пассажиры с красными галстуками вышли из вагонов на одной из станций. Это дети рабочих патронного завода приехали в свой прекрасно оборудованный лагерь. 280 человек отдыхали здесь в первую смену. (...)

Ребята провели большую работу в колхозе: за четыре дня пропололи 56 га.

В лагере работают кружки: рукодельный, авиа-моделистов, юннатов, которыми охвачены все отдыхающие. С большим желанием дети участвовали в хоре и шумовом оркестре. (...)

Сейчас свой отдых начала вторая партия — 300 ребят. Мы, работники лагеря, приложим все силы к тому, чтобы и этот отдых был радостным и хорошо подготовил ребят к учебному году».

Третьей смены не было — завод готовился к эвакуации, а вскоре мама стала начальником одного из эшелонов, который увозил на далекий Урал оборудование на платформах, а в товарных вагонах (слегка преобразованных: ряды полок-нард поставлена посередине вагона печка-«буржуйка»)

ехали сотрудники завода со своими домочадцами и скромным скарбом.

И вновь я видел ее только урывками — на плечах начальника эшелона столько забот: и обеспечить всех продуктами питания и дровами для тепла и стряпания, и главное — добиваться у начальников станций для нашего эшелона путей-дорог, чтобы раньше других тронулись наши вагоны; ведь все станции были забиты такими же выезжающими. Когда состав отправлялся, то нередко она сама не успевала добежать до нашего вагона, и тогда от вагона до вагона передавалось, что Вера Федоровна находится там-то и там-то.

И еще: надо было наладить надежную охрану оборудования. На маму же ложилась помощь больным и малым детям. Железнодорожные станции часто бомбили, и это особенно усложняло работу начальника эшелона.

Город Орск Чкаловской (ныне Оренбургской) области был местом назначения эвакуированного завода. Там в пригородном поселке «Локомотивстрой» на пустыре воздвигались дома для проживания и заводские цеха, и сразу же — еще до появления крыш на стенах — появлялись станки, и начиналась работа в три смены по выпуску оборонной продукции — снарядов и патронов.

М.Б. Шнейдерман вспоминал: директор завода Александр Николаевич Нестеров создал очень энергичную и инициативную группу руководителей; Вера Федоровна возглавляла завком профсоюза. Ей приходилось заботиться обо всем, что связано с той многоликой стороной жизни заводчан, которую сегодня принято называть «социальной сферой».

Ближайшей весной Нестеров и Москалева организовали совхоз, и скоро в заводской столовой появились свежие овощи.

И конечно, не могла Вера Федоровна забыть про детей: заводской пионерский лагерь появился в первое же лето — в 1942 году.

Этот лагерь я хорошо помню, потому что меня отправляли туда на все лето. Для пионерлагеря нашли прекрасное место на берегу Урала среди небольшого лесочка. За три военных лета там посадили много деревьев, настроили корпусов разного назначения, оборудовали всевозможные площадки для занятий и отдыха, пляж с кабинками для переодевания.

М.Б. Шнейдерман: «Не хватало рабочих рук, и тогда ездили по районам области, агитируя молодежь прийти работать на завод. И Вера Федоровна возглавляла это дело. Ее помощницей была моя сестра Зинаида Борисовна Шнейдерман. Был построен молодежный городок и школа ФЗО для подготовки молодых квалифицированных кадров. Организовали мастерскую по пошиву сапог и ботинок. Все эти сложные вопросы решались Верой Федоровной с большим напором».

Мама стала — по совместительству — политруком (заместителем директора по воспитательной работе) в школе ФЗО. Я там занимался в художественной самодеятельности: и пением, и выразительным чтением (декламацией).

Зимой 1943 года мама заболела, и ее положили в больницу в городе Орске, за несколько километров от нашего поселка. Зимы там вьюжные да снежные. А весной — половодье Урала и, казалось бы, скромной речушки Елшанки.

По выходу из больницы — снова почти круглосуточная работа. А потом — приезд на завод делегации из Москвы, награждение орденами и медалями сотрудников завода. В их числе и мама была удостоена ордена «Знак Почета». Потом она сказала мне, что вероятно мы с ней скоро уедем. Маме предложили ехать на ее родину, в Киев, чтобы что-то там возглавить. Предложение было от имени Центрального Комитета оборонной промышленности СССР.

Но этому не суждено было осуществиться. Поздней ночью 4 ноября 1944 года с большой группой товарищей мама возвращалась с партийного перевыборного собрания, где ее вновь избрали заместителем парторга завода. Был жуткий гололед, и на них наехал грузовик, который сбил Веру Федоровну насмерть. Хоронил ее чуть ли не весь рабочий поселок. Гроб стоял во Дворце культуры. Был почетный караул. На сохранившемся фото — директор завода Александр Николаевич Нестеров, парторг завода, друзья и коллеги.

После похорон несколько недель я прожил в семье Нестеровых, ожидая приезда «мамы Шуры». Позаботились обо мне очень серьезно: одели и обули на все сезоны, целую учебную четверть учился в Крыму, в знаменитом пионерлагере «Артек». Было направление в суворовское училище. Но «мама Шура» помогла мне выйти на служение искусству, и чему я и посвятил всю свою жизнь.

В.Ф. Москалева (в середине второго ряда) среди друзей-комсомольцев.
Тула. 1925 г.

В.Ф. Москалева. Тула.
Первая половина 30-х гг.

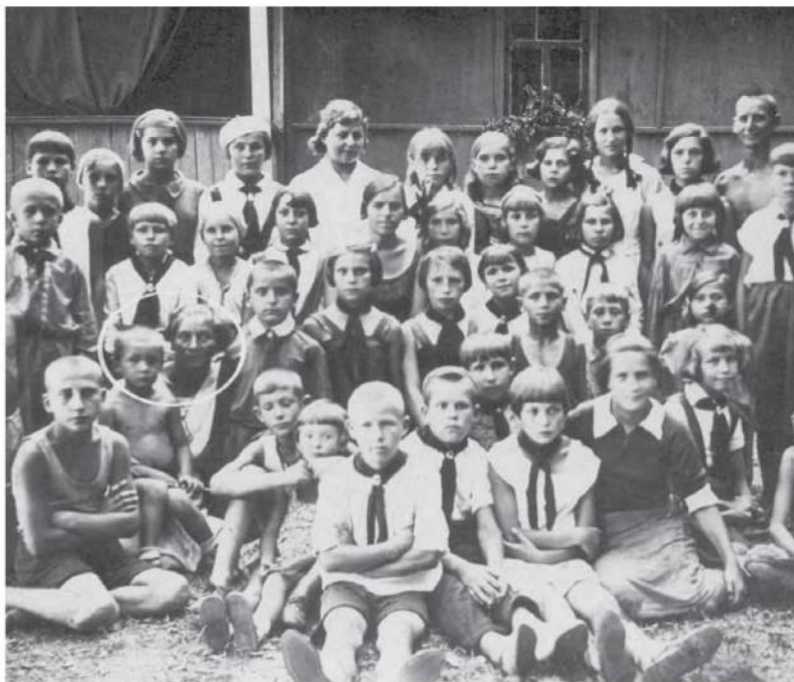
В.Ф. Москалева. Тула. 1940 г.

В.Ф. Москалева

Игорь Москалев.
Тула. 1953 г.

Игорь Москалев с бабушкой Ю.А. Зубковой.
Пионерлагерь «Хомяково». Лето 1936 г.

В.Ф. Москалева с сыном Игорем.
Орск. 1943 г.

Похороны В.Ф. Москалевой.
В траурном карауле директор завода
Александр Николаевич Нестеров (слева)
и парторг завода. Орск. Ноябрь 1944 г.

Игорь Москалев у гроба матери.
Орск. Ноябрь 1944 г.

Александра Сергеевна Грибанова («мама Шура»)
с сыном Игоря Москалева Владиком. Тула. 1960 г.